

Е. В. Войналович

Новосибирский государственный университет

**Народная речь в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы»:
стилометрический анализ корпусных данных**

Аннотация: Статья посвящена изучению стилизации народной речи середины XIX – начала XX в. в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы», а также сопоставлению с естественной народной речью текстов собрания «Народные русские легенды А. Н. Афанасьева». Анализ лексико-стилистических средств проведен в контексте общего корпусного идиостилистического исследования романа на основе построенных конкордансов издания 1936 г. В статье охарактеризованы просторечная, заимствованная и устаревшая лексика романа, а также диалектизмы, фразеологизмы и пословицы. Монолог рассказчицы изобилует фразеологизмами, пословицами, поговорками. Две трети устойчивых единиц имеют обновленный состав. Эффект спонтанности, достоверности, проговаривания речи няни также создают фоностилистические и метаплазматические средства, которые трансформируют графический и звуковой облик заимствованных, просторечных и общерусских единиц.

This paper presents the results of the stylometrical studies of the stylization of Russian folk speech of the middle of XIX – beginning of XX centuries in I. Shmelyov's novel «Nānā iz Moskvyy». The analysis of lexical and stilistic means was made in the context of general corpus stylistic research of the work on the base of concordances of edition 1936. Colloquial, obsolete words and loanwords of the novel as well as dialecticisms, idioms and proverbs are characterized in the article. Colloquialisms and colloquial grammatical forms are the most often used in the novel as the meanings of expressivity and appraisal. The narrator's monologue, as if a real nurse's speech, is full of idioms, proverbs and sayings. Phonostylistic means give the effect of spontaneity and authenticity of nurse's speech transforming the graphic and sonic aspect of colloquial and all-russian words.

Ключевые слова: лингвостилистика, корпус, язык писателей-эмигрантов, И. С. Шмелев, народная речь, сказ, стилометрия, просторечие, диалектизмы, фоностилистические средства, заимствования, устаревшие слова, фразеологизмы.

Linguo-stylistics, corpus, language of «white émigré» writers, I. Shmelyov, folk speech, skaz, stylometrical studies, vernacular, dialectisms, phonostylistics, adoption, obsolete words, phraseology.

УДК 81'42

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3300862. E-mail: voynalovich_ev@mail.ru

И. С. Шмелев был признанным знатоком русского слова и прекрасным стилизатором, умевшим совладать со множеством языковых приемов. З. Н. Гиппиус и Г. В. Адамович отмечали даже избыточность стилистических средств в текстах художника: «Страница Шмелева необычайно насыщена, порой даже чересчур... читатель, слишком уж обильно угощаемый, иногда жаждет отдыха – ну хотя бы

на полстранички побледнее, посуше, попроще!» [Адамович, 1996, с. 237]. И в настоящее время исследователи творчества Шмелева указывают на необходимость более детального изучения языка писателя и его художественного метода [Шешунова, 2002; Ковалева, 2011]. Известно, что для воспроизведения дореволюционной российской жизни Иван Сергеевич, будучи в эмиграции, активно пользовался формой сказа, которая позволяет персонажам разных возрастов и социального статуса, «заговорив по-своему», поведать о пережитом. Однако роман «Няня из Москвы» (1933 г.) отличается от других сказовых произведений писателя и жанром, и отбором использованных в нем стилистических средств. Речь главной героини – московской няни Дарьи Степановны Синицыной – представляет собой яркий пример стилизованного под народную речь монолога, той разновидности устной разговорной речи национального характера, которая образуется на стыке просторечной, диалектной и связанной с ними фольклорной форм речевого поведения (подробнее о понятии «народная речь» см.: [Войналович, 2012]).

Целью данного исследования стало выявление состава приемов стилизации, использованных писателем для достижения эффекта спонтанности и достоверности народной речи главного персонажа. Исследование выполнено на основе стилометрического анализа построенных конкордансов текста издания 1936 г. Обработка текста прошла три этапа: лемматизацию, теггинг (грамматическую и семантическую разметку), тематическое и лексико-семантическое классифицирование. Текст романа был лемматизирован с помощью программы «Lemmatizator» (автор – канд. физ.-мат. наук А. А. Соколов). Омонимия всех уровней снималась вручную. Полученные рейтинги лемм в их контекстном окружении позволили точно определить текстовые стилистические приоритеты. Подобный метод применяется для анализа языка как авторских художественных текстов (см.: [Мухин, 2011] и др.), так и анонимных фольклорных [Русские..., 2005; Бобунова, Хроленко, 2007; Ефремова, Лагута, 2009].

В результате исследования было установлено, что в романе задействована активная и пассивная лексика различных языковых страт: общелитературные единицы, диалектизмы, связанные с ними фольклоризмы и т. д. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, кроме общерусских слов, писатель включил в монолог рассказчицы, родившейся, по сюжету, в Тульской губернии (*разговоръ у меня такой, тульской все*), глагольные диалектизмы: *жилять*, *калить*, *палать*, *шурхнуть*. Однако такие единицы составляют менее 0,06 % (процентное соотношение высчитывалось от общего количества лемм): *и мухъ этихъ... терпѣнья нѣтъ, какъ жили; шурхнуло по платочку даже; Катичка тогда изъ себя вышла, калила ихъ калила*. Их относительно малое количество можно объяснить сюжетным преобладанием описаний городской эмиграционной жизни и, конечно же, языковым вкусом самого писателя, его авторской установкой на образованного читателя.

Диалектизмы в романе тесно переплетены с просторечными и разговорными единицами (35 %), главной стилистической функцией которых является выражение коннотативных смыслов (экспрессивные и оценочные единицы составляют 8 %). Частеречные ограничения в отборе такой лексики практически отсутствуют: используются глагольные (*надоумить*, *очухаться*), субстантивные (*вздоръ*, *поскребушки*), адъективные (*ахтителный*, *блажной*, *самовольный*), адвербиальные (*вживѣ*, *по дешевкѣ*), местоименные (*ихній*, *энтотъ*, *куды*), служебные слова (*дескать*, *окромя*). При характеристике отрицательных и неприятных няне персонажей, их внешнего вида, характера и поведения, а также при передаче диалогов героев, находящихся в крайне негативном эмоциональном состоянии, писателем используется грубо-просторечная лексика, в большинстве случаев – оценочные субстантивы: *я ему всю морду исполосую*; «Теперь вижу, какая ты **дрянь** ничтожная!» – *въ голосъ закричалъ. Барыня на него – «самъ ты **мразь** ничтожный!» Баринъ на нихъ съ кулаками, искажился весь: «Въ гробъ вогнали! печенки*

отъ васъ болятъ, **подохну** скоро!...». Просторечие видно и в отборе грамматических форм: большевики **всѣхъ офицерей** пожгли; **войска** не помѣшаетъ, она на Севастополь садится; за **ихняго** солдата его призналъ; **графьевъ** не люблю; не хочу слушать **дерзостевъ**; мы вами не **брезговаемъ**. В романе встречаются словоформы *бойкой, долгой, одинокой, русской* (м. р. ед. ч. Им. / Вин. п.), отражающие устаревшую для нашего времени московскую произносительную норму: *Ей, говоритъ, **долгой** спокой требуется*. Использованы и деепричастия на -миши, перешедшие из говоров в городское просторечие: *вытимиши, устимиши, раздѣмиши* (*баць въ печку, не распечатимиши*). Разговорный пласт лексики помогает писателю поддерживать читательские внимание и интерес.

Во-вторых, Шмелев вводит в монолог няни фольклоризмы (2 %) и фольклорные формулы (*По горамъ ѣздили, по лѣсамъ*), которые способствуют созданию сказочного колорита. Встречаются постоянные эпитеты: *Вотъ и повезъ насъ Гартъ въ **дремучіе** лѣса, на край свѣта...*; *Погубилъ я васъ, **окаянный***. Сказочный подтекст описываемых в романе событий, характеров, параллели со сказочными и фольклорными персонажами подробно исследовали [Сорокина, 1994; Шешунова, 2002].

В-третьих, единицы, как правило, церковнославянского происхождения (2 %), включены в описания няней сильного эмоционального подъема: *Она мнѣ просвирку дала успенскую, **тѣлесныя узы** отверзаетъ; Скажу ей строго – «въ **Господень ликъ** плюешь, Боженька накажетъ!»*. Церковнославянизмы привносят в речь героини оттенок архаичности и присутствуют в тех частях текста, в которых выражается ее мировоззренческая позиция: *возгордѣться, вострепенуться; здравіе, одежда: васъ я признаю-уважаю, наша вы, расейская барышня... не можете **возгордѣться**; Молюсь за него...: «о **здравіи** морского генерала...»*.

В-четвертых, использование в тексте многочисленных фразеологизмов (380 единиц, 500 употреблений), пословиц, поговорок важно для воссоздания образа настоящей няни, идеалом которой для Шмелева была, конечно, пушкинская Арина Родионовна и няня сына писателя Сережи: «Очень живая. Масса напевов, бауток, загадок, “крылатых словечек”... <...> Очень быстро схватывала все. Умная» [Шмелев и Бредиус-Субботина, 2003, с. 97]. У 60 % фразеологизмов главный компонент – субстантив (*И смѣхъ, и грѣхъ; ни словечка*). 22 % от общего количества фразеологизмов в исследуемом тексте составили сочетания с соматизмами: *въ **голову** прийти* кому; *высуня **язык**; **глазки** закрыть*. При описании эмоционально-психологических состояний няни-рассказчица часто использует устойчивые выражения с компонентами *сердце* (4 %) и *душа, духъ* (3 %): ***сердце** вотъ подкапилось; въ **душу** глядѣть; въ **духѣ***. Наиболее употребительным в тексте романа стал фразеологизм *сходить / сойти съ ума* (18 раз в трех значениях), поскольку в период сильных исторических потрясений стирается четкая граница между условно нормальным сознанием и подсознанием: *И говоритъ ему: «Новости у насъ, няничка наша съ ума сходить, въ Парижъ собирается»*. Кроме того, по мнению няни, частная и общественная жизнь людей, живущих без Бога, лишена какого-либо разумного основания. Устойчивые выражения обусловлены языковой традицией, однако и к таким сочетаниям писатель подошел творчески. Две трети фразеологизмов «адаптированы» под конкретный контекст, органично встроены в монолог, что отражено в их обновленном составе: *мамай и мамы пошелъ* вм. ‘прошел’; *на **сердцѣ** кошки **скребутъ*** ← ‘кошки скребут на душе у кого’ + ‘скребет на сердце у кого’ (подробнее см.: [Войналович, 2011]). В романе использовано также 45 паремий, или, как их называет няня, «бауточек»: *въ Москвѣ у насъ говорили, бауточка такая*. Они в большинстве сконцентрированы в своеобразном «эпиллоге», где описывается второе посещение няней госпожи Медынкиной: у рассказчицы приподнятое настроение, и это отражено в ее словоохотливости. Анализ их лексико-семантической наполненности показал, что часть паремий посвящена народному, социальному (*все у насъ по закону будетъ*:

и зѣвать, и чихать, и щи лаптемъ хлебать!) и религиозному осмыслению происходящего (*На тихаго Богъ нанесетъ, а бойкой самъ себѣ потрясетъ*). Использование фразеологизмов не только украшает монолог и делает его неповторимым, но и выражает наличие у няни житейской мудрости, меткости речи, умения убеждать собеседника.

В-пятых, для большего эффекта речевой спонтанности Шмелев применяет графические средства как отражение фоностилистических особенностей народной речи: *иликтрический, параходъ*; отражены и сочетание [шн], изначально присущее старомосковской произносительной норме (0,3 %: *бутылошный, лавошница, сердешный, сливошный, спишешный, юбошникъ*: *И все-таки я къ тебѣ привышна; ...кричитъ* – «нянь, *сливошное* мое давай!»), и переход жч → ш: *складный такой мущина*. Используются метаплазматические средства (1,4 %): синкопа (*комбизонъ, патреть, швицарскій*); синереза (*выгрышный, еропланъ, одержка*); синице-за (*акваримъ, альхерей, золагическій, сацалистъ*); протеза (*вабрикосъ, востренькій, выстерика, заарестовать, економка*); эпентеза (*бараслетъ, ндравиться, страмница, совусъ, хавосъ*); антистекон (*астеричный, варкизочка, вибля, какетъ, ланпадошка, прынца, сантажистъ, синаторія*); ламбдаизм (*алистократъ, коллиторный, ламбалаторія, левизоръ, леригя, ливорюция*); звуковая метатеза (*гарціозный, крутизана, порститутъ*): *изъ юлирнаго магазина несмѣтной цѣны жемчугъ принесли; Прибѣгаетъ – чурекъ мнѣ горячій принесла*.

И. С. Шмелев активно пользуется приемами графической стилизации, в том числе дефисной «разбивкой» (0,6 %: *а-пендецетъ, иван-тюристы*) и метаплазматическими средствами (0,8 %), часто употребляемых при передаче на письме «не освоенных» няней заимствований: названий людей (*адъютантъ, профессор / профессыръ*), артефактов, в том числе предметов одежды (*буа, комбизонъ*), еды (*биштексъ, сашлыкъ, шиколать / шикалатъ*); построек, предметов обстановки и устройств (*клазетъ, кумполь, порсигаръ, радио*); событий (*лиминация, ливорюция, рацея*); транспортных средств (*автомобиль, такся*). Большинство заимствований французского, голландского, итальянского, немецкого, польского, редко персидского, тюркского происхождения: *Двѣ комнаты забралъ, съ терасами, въ бинокъ все глядѣль на море*. Заимствования в речи няни могут менять род, иметь грамматические и лексические инварианты: *въ пенснѣхъ; передъ трюмой; купятъ мою буу; кофю пуского выпила; наняли таксю*. Встречаются и варваризмы: *красоту дѣлать обучается... боту дѣлають* (фр. *beauté* ‘красота’); *губки ружой* этой навела (фр. *rouge* ‘красный’); *слышу – антре!* (фр. *entrez!* ‘войдите’); *хорошо ей сказала – «мамзель рюсъ»!* (фр. *mademoiselle russe* ‘русская барышня’).

Использование в тексте романа перечисленных выше стилистических приемов позволяет писателю создать живой речевой портрет рассказчицы и придает тексту мощный эффект речевой спонтанности, неподготовленности, при этом верно транслируя авторскую идею. Отметим, что интуитивно писатель максимально верно отобрал средства, поскольку в целом стилистический облик текста романа близок уже исследованному на основе корпусных данных стилистическому облику текстов легенд из собрания «Народные русские легенды А. Н. Афанасьева» [Ефремова, Лагута, 2009]: в этих текстах наиболее яркими и часто употребляемыми ресурсами стали разговорные и просторечные единицы, а для создания экспрессивных речевых портретов были использованы грубо-экспрессивные, фамильярные слова. Кроме того, как в легендах, так и в романе, эклектичность речи возникает благодаря употреблению слов «высокого» стиля (книжных, заимствованных, церковнославянизмов) наряду с нейтральной и сниженной лексикой. Большее количество заимствований в шмелевском романе объясняется спецификой романного сюжета – своеобразным эмигрантскими «хождением за три моря» и «хождением по мукам». «Няня из Москвы» и легендарные тексты сопоставимы и по наличию фольклоризмов, фольклорных формул, что продиктовано сказоч-

ным подтекстом романа и жанровой характеристикой легенд. Однако приемы графической стилизации в исследуемом романе более разнообразны. Таким образом, можно сделать вывод об общих лексико-стилистических приоритетах естественной и стилизованной народной речи середины XIX – начала XX в. в фольклорной и шмелевской прозе соответственно.

Литература

- Адамович Г. В. Одиночество и свобода. М., 1996.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск, 2007.
- Войналович Е. В. К проблеме определения границ понятия «народная речь» (на примере художественного дискурса И. С. Шмелева) // *Lingua Mobilis*. Челябинск, 2012. № 3. С. 19–29.
- Войналович Е. В. Фразеологические единицы в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы»: структурно-стилистический анализ // Материалы XVI Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2011. С. 39–40.
- Ефремова А. Д., Лагута О. Н. Лексико-стилистический облик текстов собрания XIX века «Народные русские легенды А.Н. Афанасьева» // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009. Т. 7, вып. 2. С. 5–17.
- Ковалева Л. В. Лексемы, обозначающие религиозные постройки, в произведениях И. С. Шмелева // И. С. Шмелев и писатели литературного зарубежья. XVIII Крымские международные Шмелевские чтения. Алушта, 2011. С. 155–160.
- Мухин М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011.
- Русские простонародные легенды и рассказы: Сборник 1861 г. / Изд. подг. В. С. Кузнецова, О. Н. Лагута, А. М. Лаврентьев. Новосибирск, 2005.
- Сорокина О. Москвитина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994.
- Шешунова С. В. Образ мира в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы». Дубна, 2002.
- Шмелев И. С. и Бредиус-Субботина О. А.: Роман в письмах: В 2 т. М., 2003–2005.
- Шмелев И. С. Няня из Москвы. Париж, 1936.